

Будущие ВОИНЫ

(На пункте всеобщего обучения)

Оживленно и многолюдно вечерами в двухэтажном здании на улице Лассалля, 19. Здесь военный учебный пункт, где проходит всеобщее обучение молодежи Курска. Жизнерадостные ребята! Многие из них приходят на пункт прямо от станка, от кузнечного горна, в рабочих спецовках, замасленных куртках.

На улице идет строевая подготовка. И в то же время на втором этаже военного учебного пункта другая группа слушает политинформацию, беседу о новом наступлении Красной Армии в Польше и Германии, изучает дисциплинарный устав, беседует с командирами о русской винтовке. В просторном, хорошо оборудованном кабинете капитан Курасовский рассказывает всеобщим курском ремонтного завода о караульной службе. Все внимательно слушают.

Будущие воины! У многих из них отцы и братья сражаются на фронте. И радостно ребятам сообщить родным о себе; они заменили их не только на производстве, но добросовестно готовятся к тому, чтобы также достойно, как они, служить в Красной Армии. Уже теперь из этих ребят подготовлены младшие командиры. Лестно отзываются бывшие офицеры о Седых, Носпехове, Петрухине, Сидорове и других младших командирах-допризывниках, которые, как сказал капитан Курасовский, «подают большие надежды».

Военно-учебный пункт культурно оборудован. Здесь много наглядных пособий, лозунгов, плакатов, портретов руководителей партии и правительства, маршалов Советского Союза, героев Отечественной войны. Макеты и схемы прославленной русской винтовки, пулеметов, противотанковых ружей—все это ребята усваивают твердо.

Военная учеба нового контингента бойцов всеобщего обучения идет уже несколько дней. Во всем чувствуется забота командного состава, чтобы будущие воины в совершенстве владели оружием и умело действовали в бою. Учуть тому, что нужно на войне и только так, как это требуется в боевой обстановке—такую задачу поставили перед собой работники пункта. В первые дни учебы проявили себя командиры запасов Кобелев, Дроздов, Воеводин, Баранчиков, начальник военного учебного пункта Дурнев, офицер горвоенкомата гвардии старший лейтенант Лосев, лейтенант Карлиньский, младший лейтенант Савельев, участник Отечественной войны младший лейтенант Боднюк.

А. СВЕТЛЯК.

Колхоз «Парижская Коммуна», Борисовского района, заканчивает подготовку семян к севу. На снимке: колхозники В. М. Кальницкая, Л. А. Пономаренко и А. Ф. Пономаренко взвешивают отсортированные семена.

Кто отвечает за работу Старооскольской МТМ?

Перед началом ремонта тракторов многие директора МТС обрательлись с вопросом в Старооскольскую МТМ:

— Какую помощь можно ожидать от МТМ в этом году?

Вызванный директор МТМ тов. Гришевский ответил:

— Разумеется, помощь окажем, какая только будет в наших возможностях.

Тов. Гришевский был предусмотрителен: ничего конкретного он не обещал, застраховав себя от «всяких неожиданностей». Когда подошло время ремонта, из некоторых МТС привезли в МТМ на шлифовку валы.

— Что вы, товарищи?—изумился Гришевский.—У меня еще ничего не налажено.

В октябре Гришевского сняли. Назначили тов. Иванова. Новый директор обещал «в сжатые сроки» наладить шлифовку колесных валов. Прошли ноябрь, декабрь, прошел январь, а валы и поныне там. Ни на одну копейку МТМ не сделала для МТС и по сей день. В чем дело, почему МТМ не выполнила и не выполняет заказы МТС?

Весь штат МТМ состоит из 25 человек, из них 22 человека—обслуживающий персонал: сторожа, конюхи, уборщицы, счетные работницы, завхоз и т. д. Квалифицированным мастером числится один—токарь он же и слесарь тов. Муромцев. Есть технорук—

инженер. Мастерские имеют три токарных станка, один строгальный и несколько сверлильных.

— Некому работать за этими станками,—объясняет технорук тов. Русаков.

Положение с мастерами объяснил т. Муромцев. Он говорит:

— Были здесь первоклассные, седьмого разряда, токари Деревянкин и Савгулин. Ушли. Зарплату им не платили. Одним словом условий им для работы не создали, вот они и ушли. И я вот отработался, заболел. В таком холоде работать немислимо.

Действительно, мастерские не отапливаются. Станки стоят. Движок не работает. Три станка—подарок челябинцев—не установлены до сих пор.

Недавно, чтобы показать видимость работы МТМ, тов. Иванов решил... изготовить столовые ножи, терки, лейки и прочую домашнюю утварь, в то время как в МТС попрежнему ждут.

Государство отпустило большие средства на восстановление МТМ. За 2 года МТМ израсходовала около 115 тыс. руб. денег, а выпустила продукции не более чем на 20—30 тыс. руб.

Удивляет отношение к МТМ райкома партии и исполкома райсовета. Никто не удосужился в течение года подробно и глубоко разобраться в работе МТМ.

А. ВАСИЛЬЕВ.

В СОЛНЦЕВО ГУБЯТ СВЕКЛУ

СОЛНЦЕВО. (По телефону). Колхозы не вывезли еще 62 тыс. центнеров свеклы. Не закончили эту работу еще 98 колхозов.

Когда мы разговаривали о ходе вывозки свеклы с секретарем райкома тов. Шлеевым, выяснилось, что он имеет об этом очень

смутное представление. В каких колхозах плохо используется тягло, где организована вывозка свеклы на коровах и вручную, какие результаты это дает—т. Шлеев не знает.

Район вывозит ежедневно не более 300—350 центнеров свеклы.

Курское областное управление пищевой промышленности пользуется неослабным вниманием руководящих областных организаций. Только за 9 месяцев 1944 г. исполком облсовета принял 8 решений по работе пищевой промышленности.

В конце августа исполком обязал облпищепром ежемесячно обобщать итоги социалистического соревнования на предприятиях пищевой промышленности, в пищекомбинатах и лучшие из них представлять для присуждения премий. Но, увы, незавидные итоги извещали облпищепром от необходимости заниматься этой кропотливой работой. Ни один из 40 пищекомбинатов не выполнял ни месячных, ни квартальных планов производства. Из 12 предприятий областного подчинения только один белгородский пивоваренный завод имеет хорошие показатели. Остальные 8 предприятий сорвали производственные планы. Из этого в облпищепроме сделали заключение, что для социалистического соревнования в пищевой промышленности области вообще нет «подходящих» условий.

Вот деталь. На вопрос: есть ли стахановцы на пищекомбинатах, инспектор по кадрам тов. Кац признался:

— Вероятно, есть, но мы, право, не знаем. Пищекомбинаты нам не сообщают. Приедет тот или иной директор, мы у него и берем сведения.

В том же решении (в конце августа) исполком облсовета записал: «Считать важнейшей военно-хозяйственной задачей облпищепрома, директоров пищекомбинатов... обеспечить выполнение планов заготовки и переработки сельскохозяйственного сырья и овощей». Кажется, ясно? Но облпищепром не мог организовать этого дела. Заготовлено 40 центнеров косточковых вместо 570 по плану, 200 центнеров семечковых вместо 1800, 330 цент. капусты вместо 4650, 370 цент. огурцов вместо 4000 и т. д. Грибов не заготовлено ни грамма. По «достоверным сведениям», которыми располагает облпищепром, их не оказалось ни в одном районе.

В Короче, как известно, садоводческое хозяйство развито, как ни в одном другом районе. А вот Корочанский плодоягодный завод смог выполнить лишь 40 проц. плана децентрализованных заготовок семечковых. Руководители облпищепрома считают это большим достижением. Как же, завод заготовил 800 центнеров плодов! Разве это мало? Между тем, из-за этого «достижения» завод, имеющий полное оборудование, выполнил производственный план только на 68 проц.

Для бесперебойной работы с полной нагрузкой пищекомбинаты не могут надеяться только на за-

готовки, а должны иметь и свои хозяйственные базы. Исполкомы райсоветов и колхозы широко пошли навстречу пищевой промышленности, выделив более 1400 га удобных земель. Кажется, хорошо. Работайте, осваивайте! Но пищекомбинаты освоили—и то плохо—не более 50 процентов этих земель. Обработка была неглубокой, урожай получен низкий.

Жалобы на райсоветы—излюбленный «метод руководства» облпищепрома. Они, де, райисполкомы, не создают пищекомбинатам авторитета и условий для работы, не предоставляют им помещений, мешают директорам. Посмотрим, как работают те пищекомбинаты, которые опекали сами руководители облпищепрома. В беседе-ском и широким пищекомбинатах побывали главный инженер управления тов. Трахтенберг и заведующий пищебасом тов. Петляков. Эти комбинаты выполняли производственный план на 40—50 проц., а фатежский пищекомбинат, где побывал заместитель управляющего тов. Чурилов,—на 19 проц.

Картина была бы неполной, если не сказать о том, как облпищепром поддерживает инициативу районов. Как-то летом в облпищепром явился представитель Черемисиновского райкома партии и райисполкома с предложением помочь организовать пищекомбинат. Как же отнесся к этому облпищепром? В Черемисиново была направлена бумажка изумительного «корректного», прямо-таки джентльменского содержания: «Так как мы получили информацию, что вы собираетесь организовать пищекомбинат, то мы против этого не возражаем (так и написано: «не возражаем»), при условии предоставления помещения и организации хозяйственной базы». В Черемисиново были немало польщены предпринимательством облпищепрома. Подумайте только—не возражают! Но из этого дела ничего не вышло, так как кроме «корректности» облпищепром никакой помощи району не оказал. На недоуменный вопрос руководители облпищепрома ответили с убийственной логикой:

— У нас и так хватает комбинатов, не выполняющих планы, к чему их еще насаждать?

Придерживаясь этой своеобразной «концепции», облпищепром и не пытается организовать пищекомбинаты в 21 районе, которые их еще не имеют.

Учиться на ошибках, чтобы их не повторять—это принцип большевистского руководства. Руководители облпищепрома, исходя из этого принципа, должны начинать учебу с азов, так как речь идет не об отдельных ошибках, а о системе ошибок.

М. ВЛАДИМИРОВ.

ДВА ПИСЬМА

Родина! Самые светлые и горячие мысли, самые глубокие чувства и переживания советского человека связаны с этим заветным словом. А если человеку пришлось быть вдали от Родины, если он—советский боец, советский офицер, если он сражается за Родину на чужой земле,—тогда в тысячу крат ближе, желаннее ему все близкое, все желанное и прекрасное, все то, что и есть Родина: родная земля, родная семья, самый воздух отчизны. Об этом нежно мечтают в короткие минуты покоя, которые достаются в фронтовой жизни, потому что это—сокровенное, самое близкое сердцу, самое человеческое. С этим смело и гордо идут в бой, везут его на знамена, потому что это—самое возвышенное, святое. Гордись, идруга воина, если много хорошего, святого для него,—а тебе, если веселая, ошутливая частица Родины это—ты, любовь к тебе, к нашему сыну. Тогда твои ноги поднимают его на бой, на подвиг! Пожелтевшее от времени, истершееся письмо.

«Здравствуй, друже!

«Четыре дня тому назад я получил письмо от жены, от которой не имел никакого слуха с

самого начала войны. Мефодий! Если бы ты знал, сколько я страдал из-за нее! Сердце мое наверное стало черным от тоски по ней. В жестоких и яростных боях с фашистской нечистью ее образ всегда звал меня вперед, за нее я всегда лез в самое пекло, уничтожая с распыляющей яростью в груди проклятую гемауру».

Это—не рисовка, не красивые слова ради красивых слов. Это пишет фронтовик другу-фронтовику. Это—язык сердца и крови, это голос большого сердца советского человека, советского воина. Слушайте:

«Два раза я попал советской кровью родную землю и два раза горел, а один раз горел так, что, думал, загорюсь совсем,—все было обожжено, даже волос на голове, и тот был сожжен. Хуже того: чуть не остался слепым. Но выжил, пережил все. И мне кажется: только ее образ, в чем заложено большое слово—Родина, вырвал меня из рук смерти».

И вот только четыре дня тому назад я получил от нее первое письмо за два с лишним года. Дорогой друже, ты знаешь, я крепко и душой и сердцем, креп-

невым сделался. Но вот, читаю ее письмо—и грудь распирает, сердце рвется вон из груди, ненависть к проклятым фашистским гадам сжигает все внутри».

Она находилась на оккупированной немцами палачами территории—в Микояновском районе Курской области, это недалеко за Белгородом. Она молодая, ей всего 21 год, но если бы ты взглянул вот сейчас на эту фотографию, присланную ею, ты наверняка бы сказал, что это старуха. Почти два года фашистского рабства сделали ее старухой. Сына она тоже не могла сохранить, умер—фашистские людоеды голодом убили ребенка.

Но ты знаешь что: сейчас я еще больше люблю ее, и если останусь жив—никогда ее не брошу. А фашистским людоедам никогда не прощу».

Русского человека, русского воина не согнет личное горе! Да и где она, граница между личными чувствами и долгом у настоящего советского воина? Слушайте:

«Мефодий, все это я написал тебе, как своему лучшему другу не потому, что я хочу твоей душевной поддержки в моем горе—большом горе. Нет, написал я, чтобы ты, не зная страха, как русский солдат, вместе со мною с великой ненавистью уничтожал

врагов земли русской, чтобы об этом знали и твои бойцы и также, не зная страха, шли вперед».

Мы не сможем крепко пожать руку героя: он, наш славный земляк, уроженец Тимского района, Курской области, капитан Леонид Антонович Шабанов, пал смертью храбрых. Его завет другу оказался предсмертным завещанием.

Но чрезвычайно важно, обязательно нужно знать: обрывается ли на этом простая, обычная в наши дни—и яркая, чудесная история прекрасной жизни, большой и чистой любви к Родине, гордой, негибаемой воли? Исключение ли это?

Вот второе письмо—письмо того, к кому обращался капитан Шабанов, письмо его друга, второго нашего земляка, фронтовика Мефодия Полянского. Он дорисовывает великолепный образ героя, уничтожавшего врага огнем своих пулеметов из горящего танка, отказавшегося от отпуска после тяжелого ранения, чтобы снова вести танки своего подразделения в бой, вырвавшегося из лап смерти, чтобы снова пойти на нее, на врага. Письмо Мефодия Полянского объясняет, почему пожелтело и истерлось присланное им письмо друга. И оно исчерпывающе отвечает на наш вопрос. Слушайте:

«Письмо его прошу поместить в газете и прошу обязательно сохранить. Если я буду жив, то заеду за ним к вам, потому что это—единственное письмо, которое мне удалось сохранить. Оно мне придавало бодрость в тяжелых боях, я его с боими пронес от Витебска до Пруссии. Это письмо дает образ русского воина».

Да, наш земляк товарищ Мефодий Полянский тысячу раз прав. Чудесная героическая история продолжается. Она дополняется: боевой друг хранит и выполняет предсмертный завет товарища, нестигаемую силу советского воина он увеличивает силой дружбы—и эта дружба тоже важная составная часть того, что у нас называется: Родина.

Очень хотелось бы увидеть, прочитать еще одно, хоть какое-нибудь письмо, которое дожила мужа на боевую доблесть имя Родины,— письмо женой Леонида Шабанова. Верится, что жизнь, дела этой женщины, пусть слабой, истрадавшей, достойны дел ее мужа-героя, и что эти дела также являются продолжением замечательной истории о советском человеке.

Так должно быть. Не может быть иначе, потому что такомо могущее ленинское, сталинское советское племя. Ф. ИВНИ